

12. Шром Н. Литература современной России. 1987 – 2003. Учебное пособие. – М.: Абрив, 2005.
13. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. – М.: Локид; Миф, 2000.

Надійшла до редколегії 24.04.11

УДК 821.161.1

Е. В. Юферева

г. Запорожье

«КОГДА МЕНЯ ХАНДРА ВНЕЗАПНО ПОСЕТИТ»: ДИНАМИКА ТЕМЫ СКУКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Розглядається авторефлексивність як провідна ознака жанру поетичного листа, що дозволяє простежити динаміку концепту «нудьги».

Ключові слова: нудьга, тема, динаміка, поезія, авторефлексивність.

Рассматривается авторефлексивность как основной признак жанра поэтического письма, прослеживается динамика концепта «скуки».

Ключевые слова: скука, тема, динамика, поэзия, авторефлексия.

The autoreflexiveness as the main feature of the genre of poetic letter which allows us to trace the dynamic of the concept of «boredom» is studied in the article.

Key words: boredom, theme, dynamic, poetry, autoreflexiveness.

Эпидемия скуки девятнадцатого века, пожалуй, несоизмерима с современными ее масштабами. Скука охватила все слои и сферы: академическая скука, скука школьная, бытовая, офисная и т. д. Не случайно в философии XX века обозначилась тенденция толковать понятие в этической плоскости, присваивать ему «оздоровительную» роль. Постановка вопроса едва ли не в прагматическом ключе – «чего же хотеть» – убедительно демонстрирует озабоченность глубиной проникновения скуки в «житейский» мир современного человека. Одна из показательных попыток «прагматизации», например, представлена в работах современного философа Б. Хюбнера, полагавшего, что скука как «метафизическая нуждаемость человека» является источником движения и прибавочной человеческой деятельности [1, с. 116]. Но наши размышления вызваны не только проблематизацией скучного состояния современным научным дискурсом. Важным импульсом явилось стремление увидеть особенности представления и воплощения скуки в поэтическом искусстве. Интересно, что понятие «поэтическая скука» возникло уже в начале XX века и отличается двойственностью, как и многие определения, связанные со скукой. Вл. Ходасевич в известной критической статье полагал, что скука по своей природе непоэтична, поскольку она есть отсутствие восприятия, свидетельство душевной невосприимчивости. В скобках отметим: «поэтическая скука» у Вл. Ходасевича выступала эквивалентом вторичной, творчески незрелой поэзии [2]. Однако трудно не согласиться с тем, что скука действительно проявляется в отрицательности: это «не настроение», «не переживание», это состояние «без свойств». «Пустота» скуки ускользает от дефиниций и классификаций. Может быть, именно поэтому препарирование скучания, стремления многих философов и ученых дать положительный ответ на вопрос о том, что такое скука и каковы ее формы, не исчерпывающи. Такую оценку

философской рефлексии скуки мы находим в известном труде, посвященном обобщению представлений об этом явлении, эссе «Скука» норвежского ученого Л. Свендсена, который чаще выходит в пространство художественной литературы, вплетая в свои размышления метафоры «пыли», «сна», «тумана», «маятника» [3].

Востребованная этимологическая фигура – «скука скучна» – не только подчеркивает недостаточность логических инструментов в познании скуки, но и намекает на «нетождественность себе» понятия, необходимость многомерного его толкования. Объяснение себя из себя же говорит также и о той динамичности явления, что проистекает из столкновения противоположных начал. Суммируя многое сказанное о скуке, можно заключить: она – «духовно-физическое», «бездеятельно-творческое», «всеохватно-привелегированное», «однообразно-новое» человеческое состояние. В орбиту этих амбивалентных признаков втягиваются и иные, чаще негативные, атрибуты скуки: бесчувственность, стирание временной и идентичностной определенности, бессмысленность. Но скука неоднородна: это и повторяемость, автоматизм жизни, но и признак свободной ищущей натуры, хорошо известной русской литературе. Особая двойственность явления в русской культуре осмыслялась особенно активно в период первой половины XIX в. И, если мы уже затронули эту эпоху, нельзя не упомянуть творчество А. Пушкина, задавшего линии развития мотива в русской литературе. Линии эти в определенной мере соотносятся с философскими типами скуки: «свободная» скука (органическая сторона жизни: жить-скучать); «тоскливая скука» («скука бездумно и бесчувственно лежит в сонной или мертвой прострации, тогда как тоска бьется и мечется в бессильных попытках вырваться из своего заколдованного круга, напрягая все силы ума <...> и чувства» [4, с. 217]); наконец, «скука-хандра» – эмоциональная доминанта для огромного периода русской культуры, которая самостоятельным объектом изучения становилась крайне редко. Исследователь русской хандры Н. Любомирова, замечая о невозможности вписать явление в бинарную структуру «тоска, бездействие» – «подвиг, энтузиазм», связывает «смысл устойчивой вымороченности душевной атмосферы», то есть хандры, со своеобразной «умотерапией», рождением и удержанием чувства свободы [5, с. 127]. И, тем не менее, решающим в сюжете статьи становится адресованный к читателю вопрос: «Как перестать беспокоиться и начать жить?» [5, с. 138], – который ставит под сомнение заявленную «обманноудерживающую» функцию хандры.

Ближе к середине века «скука» во многих своих проявлениях усложняется, обрастая всевозможными толкованиями, штампами, поведенческой культивацией скучания, и упрощается, утрачивая признак исключительности, сближаясь с повседневностью, социальной неудовлетворенностью. Двойственностью отличаются и способы экспликации осмысления скуки, например, в письмах: с одной стороны, наблюдаются пространные излияния, детальные описания состояния, с другой – уход от этой темы как неинтересной собеседнику. Творческая скука, скука-бездействие в письмах поэтов сопрягается с мотивами здоровья-болезни. Например, в переписке Н. Некрасова с И. Тургеневым тема скучания и хандры является одной из сквозных. Хандре часто сопутствует физическое недомогание, она же становится предпосылкой того, что «стихи одолеют».

Вероятно, в русле устойчивой и своеобразной русской традиции скучание превращается в объект иронии: «Милейший мой Фетушка! Очень благодарю за Ваши два письмеца! После Вас пошло что-то хуже, хандра допекает, так что я для рассеяния начал побегивать за горничными девчонками – да нет, не в моем характере» [6, с. 421]. Иначе состояние «душевного тупика» представлено, например, в эпистолярной А. Толстого, Ап. Григорьева. Исповедальные и чрезвычайно подробные письма последнего актуализируют сложную динамику эмоционального состояния, особый мятущийся и безысходный его характер: «Я обещал Вам в последний раз – месяц моей работы и обещания не выполнил. Вам дела нет, что я обманут кругом сам, что у меня лежат три начатых статьи, которых продолжать я не в силах, что я слоняюсь (в буквальном смысле слова) как помешанный, больной душевно, здоровый телесно, как бык (удобней сравнения я не нахожу для моего брэнного состава, которого не в силах, как видится, сокрушить никакие тяжелые душевные страдания), потерявший веру во все – между тем постоянно терзаемый жаждою деятельности...» [7, с. 25].

В письмах русских поэтов второй половины XIX века обнаруживается явный контраст скуки как «замирающего» состояния и той аффектации, «игры», с которой оно описывается. Стремление и внутренняя необходимость «искренности» и понимание, что искренность – многословна и скучна, приводит к нивелляции глубокой авторефлексии скуки и ее проговариванию в письмах. Поэтические письма подтверждают сказанное. Будучи генетически связаны с эпистолярным жанром, послания обращаются к повседневности, к рефлексии, к дружеской доверительной «болтовне». И скучание является излюбленной темой «дружеских» посланий, перестройка которых во второй половине века совпадает с изменением оценки и художественного воплощения скуки. Всего полвека понадобилось для расщепления понятия скуки и радикального переосмысления «поэзии скуки»: обнажения уродства скуки, убедительной демонстрации, что из состояния «мыслящего» она стала ощущением «среднего».

Переломным этапом в развитии темы скуки в русской литературе можно считать творчество Н. Огарева, послания которого соединяют ориентацию на традиции дружеского послания, так и их переосмысление. Еще в русле посланий начала века лекарством от «недуга», скучания ума может быть «вина пурпурная струя» и нескромная дружеская шутка (послание «Искандеру»), жребий хандры являет скорее дружескую общность, нежели одиночество («Грановскому»). Но уже значительные смещения в определении скуки можно встретить как в посланиях, так и поэзии в целом. Тип скуки, характерный для лирического субъекта Н. Огарева, – тоска. Но не меланхолия и не напряжение ее характеризуют, а «тупость» – любимое слово предсимболистов. «Внутри тоска, кругом тупая скука» [8, с. 185], – пишет Н. Огарев в поэтических письмах к Герцену, подчеркивая, что скука – следствие узости жизни и, пожалуй, главное, скучных людей. Впервые скучные люди, вызывающие ужас лирического субъекта возникают уже в посланиях 30-х гг.: «Здесь все так скучно, скучны люди, / Их встрече будто бы не рад; / Страшишь прижать их к пылкой груди, – / Отскочишь с ужасом назад...» [8, с. 23]. Мотив скучных людей, равнодушных свиданий, разговоров ни о чем развивается в

поэтических письмах Я. Полонского, например «А. Н. Майкову» (1857), где развенчивается успешность развеяния скуки путешествием.

Путешествия не развлекали и даже усугубляли тоску Ап. Григорьева, в поэзии которого продолжается «снижение» скуки. Когда-то модная, она лишена всякого смысла в «век пристойный». «Тайна скуки» – в отсутствии тайны, утверждает лирический субъект, и призывает оставить поиски в ней качеств вообще: «Оставьте ж мысль – в зевоте скуки / Душевных ран, душевной муки / Искать неведомых следов...» [7, с. 91]. Скука-хандра, как известно, один из постоянных мотивов творчества поэта. В «Послании друзьям моим А. О., Е. Э. и Т. Ф.» (А. Островскому, Т. Филиппову, Е. Эдельсону) анализируется социальная составляющая хандры и впервые сталкиваются два ее образа: обыденный – пьянствующий, обнищальный; благородный – приличный, равнодушный. Первый – реальность, второй – культурное клише.

Ближе к последней трети XIX века усреднение, измельчание и одновременно распространение скуки становится заметней. Изменяется отношение между ней и ленью, бездействием. Теперь они не причина скуки, как до сих пор принято полагать, а следствие. Романтическое видение скуки, которое все-таки доминирует в приведенных выше примерах, претерпевает существенные трансформации. Из жанровой системы почти исчезают послания, а скука, кажется, окончательно утрачивает метафизический смысл, принимая облик домашнего, повседневного. Вспомним, «Хандру Ивановну» К. Фофанова. Это ленивая, скучающая, равнодушная «тетка», и ничего «побуждающего», творческого в Хандре Ивановне нет. Тема скуки, ранее являвшаяся импульсом для диалога, размышления, лирической исповеди, становится самостоятельным предметом осмысления. Художественное изучение скуки в конце века актуализирует ее агрессивность, неприметность и обманчивую простоту. Строго закрепленные за скукой знаки – зевки, алкоголь, курение – вытеснили даже само слово «скука» из поэзии, отразив ее повсеместность, тривиализацию, но также и ориентацию на осмысление ее психологических «механизмов». Вот, например, ирония К. Случевского о неразличимости состояний, всерастворенности в мелкой скуке «зевка»: «Еду по улице, люди зевают, / В окнах, в каретах повсюду зевки, / Так и проносятся так и мелькают, / Будто над лугом весной мотыльки... / Рот мой шевелится... право, не знаю, / Это улыбка или зевок?» [10, с. 228].

Физические процессы скуки выдвинуты на первый план в стихотворении З. Гиппиус «Дьяволенок». Сладко-сучно (безрадостно-благополучно, нежно-сонно, то есть «никак») лирическому герою стихотворения, который, приютив дьяволенка, постепенно становится ему подобным. В стихотворении З. Гиппиус наблюдается переворачивание значимых для русской поэзии образов скуки (усадебно-идиллическое, домашнее скучание, связанное с образом кота, здесь гротескно усилено «чертовщиной»). Это «переворачивание» замечено исследователями уже в раннем цикле А. Фета «Хандра», в котором «черт» – спутник хандрящего – представлен то в образе кота, то с козлиной мордой. Однако поэтическая скука последней трети века тематически менее очерчена и, конечно, выступает за пределы оппозиции высокая тоска, одиночество – узость и мелкость жизни. В поэзии 80-х гг. она вливается в новое мироощущение, пронизывая все уровни поэтического

высказывания, что является темой уже другой статьи. Причины ослабления жанра послания и изменения отношения и раскрытия темы скуки в русской литературе во многом сходны. Они обусловлены кризисом и преодолением ментальной культуuroобразующей доминанты, которую В. Тюпа, на наш взгляд, очень верно обозначил как «дивергентное сознание» [11]. Уединенная, отрешенная личность становится маргинальной, «мельчает», на ее смену приходит диалогизированное «Ты»-сознание, но и в новой культурной парадигме скука обнаружит себя.

Библиографические ссылки

1. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / Б. Хюбнер. – Минск : Припилеи, 2000. – 152 с.
2. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 4-х т. / В.Ф. Ходасевич. – М.: Согласие, 1996. – Т. 2. – 576 с.
3. Свендсен Л. Философия скуки / Л. Свендсен. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 256 с.
4. Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. Изд-е второе / А.Б. Пеньковский. – М. : «Индрик», 2003. – 638 с.
5. Любомирова Н.В. Магия русской хандры / Н.В. Любомирова // Этическая мысль : Научно-публицистические чтения. 1991. – М. : Республика, 1992. – С. 114 – 142.
6. Переписка Н.А. Некрасова : В 2-х т. – М. : «Художественная литература», 1987. – Т. 1. – 543 с.
7. Григорьев А. Сочинения в 2-х т. / А. Григорьев. – М. : «Художественная литература», 1990. – Т. 2. – 510 с.
8. Огарев Н.П. Избранные произведения : В 2-х т. / Н.П. Огарев. – М. : Гос. изд-во худ-й лит-ры, 1956. – Т.1. – 491 с.
9. Григорьев Ап. Сочинения : В 2-х т. / Ап. Григорьев. – М. : «Художественная литература», 1990. – Т.1 – 607 с.
10. Случевский К.К. Сочинения в стихах / К.К. Случевский. – М.-СПб. : Летний сад, 2001. – 798 с.
11. Тюпа В.И. Литература и ментальность / В.И. Тюпа. – М. : «Вест-Консалтинг», 2009. – 276 с.

Надійшла до редколегії 12.05.11

УДК 821.111 – 3.09

Ю. В. Янченко

м. Дніпродзержинськ

ЕСТЕТИЗМ О. УАЙЛЬДА В ОЦІНКАХ СУЧАСНИХ ЛІТЕРАТУРОЗНАВЦІВ

Розглянуто особливості сучасної інтерпретації естетизму О. Уайльда.

Ключові слова: естетизм, інтерпретація, рецепція, наратологія, декоративність, проблематика.

Рассмотрены особенности современной интерпретации эстетизма О. Уайльда.

Ключевые слова: эстетизм, интерпретация, рецепция, нарратология, декоративность, проблематика.

The peculiarities of modern interpretation of Oscar Wilde's aestheticism are studied in the article.

Key words: aestheticism, interpretation, reception, naratology, ornamentality, problems.

Естетизм як напрямок в літературі та мистецтві межі ХІХ–ХХ сторіч зазвичай пов'язують перш за все з іменем Оскара Уайльда. І не даремно. Незважаючи на те, що витoki естетизму можна знайти в роботах видатних філософів та літераторів ХІХ сторіччя – У. Пейтера, Д. Раскіна, У. Морріса та представників «прерафаелітського